

Т.Н. Красавченко
«ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ ФАТАЛИСТ».
БУНИН В АНГЛИИ

Аннотация. В статье исследуется механизм восприятия Бунина в Англии (переводы, отклики в периодике, литературоведение). Особое внимание уделено переводу (1922) С. Котелянским и знаменитым английским писателем Д.Г. Лоуренсом рассказа Бунина «Господин из Сан-Франциско», успех и уникальность которого объясняются конгениальностью автора и Лоуренса. Интерпретации Бунина в британском литературоведении как «оптимистического фаталиста», «метафизического автора», понимавшего «тщету цивилизации», вписывались в эстетико-философское русло английской традиционной культуры. Сравнительный анализ восприятия в Англии Чехова и Бунина свидетельствует о том, что Бунин не был так широко и полно признан там, как Чехов, но «бунинское эхо» звучит в английской литературе, в частности в творчестве Йена Макьюэна, одного из самых значительных современных британских романистов. В целом очевидно своеобразное приятие Бунина английской культурой.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; литературный перевод; литературная критика; модернизм.

Krasavchenko T.N. An «optimistic fatalist». Bunin in England

Summary. The author dwells on the mechanism of Bunin's reception in England (translations, reviews in periodicals, literary criticism) and especially concentrates on the translation (1922) of the short story «Gentleman from San Francisco» by S. Koteliansky and a famous English writer D.H. Lawrence; the

success and uniqueness of it is explained by the congeniality of Bunin and Lawrence. Analysis of the British literary studies shows that Bunin is usually interpreted terms of English traditional culture as an «optimistic fatalist», «metaphysical author», who understands the «vanity of civilization». So one can say that recognition of Bunin in Great Britain was not as wide and full as the recognition of Chekhov there, but still one can find Bunin's echo in English literature, for example in the novel «On Chisel Beach» (2008) of an outstanding contemporary writer Ian McEwan. So it is evident that Bunin was accepted by British culture in a peculiar way.

Keywords: intercultural communication; literary translation; literary criticism; modernism.

Можно ли говорить о признании Бунина в Англии? Конечно, столь масштабного признания, как у Чехова, являющего собою редкий для британцев феномен усвоения чужого как своего, у него не было. А что же было?

В 1900-е годы упоминания о Бунине в британских журналах¹ редки, его стихи и их переводы были опубликованы в двуязычной (русско-английской) антологии «Современная русская поэзия», изданной в 1917 г. английским поэтом и переводчиком Полом Селвером, и в антологии с таким же названием, подготовленной американскими литераторами и переводчиками Бабетт Дойч и Авраамом Ярмолинским в 1921 г., вышедшей в Лондоне и Нью-Йорке².

Потом Бунину повезло больше. В 1910–1920-е годы – на пике культа русской литературы в Великобритании – английские писатели Вирджиния и Леонард Вулф, входившие в группу «Блумсбери» – ядро английского модернизма и один из основных центров английской литературной жизни, решили издавать в своем издательстве «Хогарт пресс» (The Hogarth press, 1917–1947) русских авторов. В лице Самуила Котелянского (1880–1955), эмигранта из России (с 1911 г.), они нашли того, кого искали, – компетентного посредника между русской и английской культурами. В 1914 г. Котелянский, работавший в юридической конторе, познакомился с уже известным тогда английским писателем Д.Г. Лоуренсом, а через него и со многими английскими литераторами, в том числе Вулфами, и предложил им метод совместного перевода: он, носитель русского языка, знаяший английский свободно, но не

в совершенстве, подготавливал англоязычный перевод-подстрочник текстов русских писателей, а английские писатели, не знавшие русского, превращали его в «королевский английский»³; переводы выходили под двумя фамилиями.

В начале июня 1921 г. Котелянский предложил Д.Г. Лоуренсу «англизировать» его подстрочный перевод рассказа Бунина «Господин из Сан-Франциско». Тот отнюдь не стремился стать переводчиком, опасаясь, что это может повредить ему в глазах издателей, но все-таки согласился. Через два месяца перевод был готов и появился сначала в январском номере нью-йоркского журнала «The Dial» за 1922 г., а в мае того же года издательство «Хогарт пресс» опубликовало его в отредактированном виде (с разночтениями по 139 пунктам)⁴ в сборнике с тремя другими рассказами Бунина: «Легкое дыхание» («Gentle Breathing»), «Казимир Станиславович» и «Сын» – в переводе Котелянского / Леонарда Вулфа⁵. Тиражи тогда были невелики – вышло чуть более 1000 экземпляров сборника⁶.

Что можно сказать о переводе? Как установил переводчик и историк Леланд Фетцер, детально проанализировавший перевод, рассказ «Господин из Сан-Франциско» в версии Котелянского – Лоуренса представлял собой компиляцию двух разных редакций, опубликованных в сборнике «Слово» (1915, № 5) и в книге «Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг.» (М.: Книгоиздательство писателей, 1916)⁷.

После присуждения Бунину в 1933 г. Нобелевской премии сборник в середине февраля 1934 г. переиздали, и Г.П. Струве в рецензии, опубликованной 25 февраля 1934 г. в еженедельной лондонской газете «Обсервер», назвал рассказ «Господин из Сан-Франциско» шедевром и сожалел, что англичанам недоступны другие шедевры писателя – «Суходол» и «Митина любовь»; что касается перевода, то его он охарактеризовал как «элегантный» (вероятно, для англичан это звучало как комплимент), но заметил, что «переводчики порой слишком вольно обращаются с оригиналом»⁸.

На самом деле Котелянский, уговорив Д.Г. Лоуренса принять участие в переводе «Господина из Сан-Франциско», сослужил большую службу русской и английской литературе. Поистине чудом в этом переводе стало то, что переводчик – Лоуренс оказался

конгениален автору – Бунину, насколько это возможно, учитывая принадлежность этих писателей к разным культурам и традициям. Лоуренсу было близко бунинское противопоставление стихии природы – неподдающегося контролю штормового моря, пространство которого перекликалось для автора с огромностью и неуправляемостью пространства России, – искусственному созданию современной цивилизации – кораблю. В рассказе это противопоставление обретает метафизическое измерение, ибо кораблем управляет таинственный капитан, родственный языческому идолу. Лоуренс, сам поэт и прозаик, оценил масштабное поэтическое миоощущение Бунина, сочетавшееся с чувственным, живым, «влажным» словом, точностью детали, экономностью выражения. И как отмечают современные британские исследователи, лингвистически «и поэтически его английский текст передал бунинский стиль с поразительной точностью тональных оттенков»⁹. Обратим внимание на то, что Чехов, культ которого царил в Британии, не был близок Лоуренсу. В разговоре с английским «чеховианцем» – писателем Уильямом Джехарди где-то в конце 1920-х он назвал «клетки» чеховских произведений «разрушающимися» и испускающими, «когда они взрываются, печальный звук, который остается с читателем»¹⁰. «Встреча» с Буниным укрепила своеобразное самому Лоуренсу ощущение ненадежности существования, не прочности всего созданного людьми, их достижений, понимание того, что всё, что ты ценишь, как и ты сам, может внезапно исчезнуть. Но это чувство обреченности и непостоянства ведет не к апатии и отчаянию, а обостряет «живое чувство жизни» – интенсивное, непосредственное восприятие чувственного опыта и физической природы мира. Всё это нашло отклик у Лоуренса. Его перевод был живым, адекватным Бунину. Его рассказ так понравился Лоуренсу, что он предложил Котелянскому перевести еще что-нибудь бунинское¹¹. Но тот уже начал работать над переводом остальных трех рассказов с Леонардом Вулфом, который назвал перевод «Господина из Сан-Франциско» «шедевром или почти шедевром»¹².

Заметим, что Лоуренс был не в восторге от переводов Л. Вулфа, писателя, эстетически весьма далекого от Бунина, и 9 июля 1921 г. написал Котелянскому, что они читаются с трудом¹³.

Высоко оценила перевод Д.Г. Лоуренса Кэтрин Мэнсфилд в письме Котелянскому 13 января 1922 г.: «Как блестяще переведен

рассказ Бунина в “The Dial”! Трудно вообразить, что кто-нибудь мог бы выполнить перевод лучше, и я, как и все, глубоко благодарна за возможность ознакомиться с этим произведением. У Бунина огромный талант, это несомненно»¹⁴.

В литературном приложении к «Таймс» 20 апреля 1922 г. была напечатана анонимная рецензия (тогда в «Таймс Литерари Сапплемент» рецензии не подписывались) на французский перевод сборника¹⁵ – в основном о достоинствах «главного» рассказа. В газете «Таймс» 17 мая 1922 г. рецензент книжного издания перевода также отметил положительный результат «взаимодействия» Лоуренса – Котелянского с Буниным, посвятил четыре из пяти абзацев «Господину из Сан-Франциско» и назвал его «поистине выдающимся (really great)», а самого Бунина, «несомненно, одним из самых крупных писателей среди тех, кто стал нам доступен в переводах», «остальные три рассказа <...> в сравнении с ним просто слабые»¹⁶. И эта рецензия, по обычаям «Таймс» того времени, была не подписана. А. Рогачевский (университет Глазго), в отличие от О. Казиной (ИМЛИ РАН), считает, что автором рецензии не был известный английский критик, муж К. Мэнсфилд Джон Миддлтон Марри, поскольку в ней проводится сравнительный анализ оригинала и перевода, а он не знал русского языка. Еще раньше Бунин был представлен англичанам в «Таймс» в анонимной рецензии на сборник рассказов «Господин из Сан-Франциско» (Париж: Русская земля, 1921), вышедшей в литературном приложении к «Таймс» 18 августа 1921 г. и принадлежавшей, как установил А. Рогачевский, писателю и переводчику Карлу Эрику Бехгоферу-Робертсу (C.E. Bechhofer Roberts, 1894–1949), выучившему русский в Первую мировую войну, а в Гражданскую служившему в британской военной миссии на юге России; он был автором нескольких книг о России: «Россия на перекрестках» («Russia at the Crossroads», 1916), «В деникинской России и на Кавказе» («In Denikin's Russia and the Caucasus», 1912–1920), «По голодающей России» («Through Starving Russia», 1921)¹⁷.

Тем не менее Джон Миддлтон Марри, тогда один из ведущих литературных критиков, большой поклонник русской литературы, особенно Достоевского, действительно не обошел вниманием книгу Бунина. В несколько сбивчиво-туманной, «романтической» рецензии «Рассказы Ивана Бунина», опубликованной в литературном

приложении к газете «Таймс» 20 апреля 1922 г., Марри отметил, что для писателя характерны «тревожность видения мира» («disturbance of vision») и «подлинная способность к откровению» («authentic power of revelation»), хотя и «не всегда им контролируемая»; одержимость фактами и своим подходом к ним («вместо постижения реальности») и «неопределенность творчества в целом»¹⁸. Но 24 июня 1922 г. в газете «The Nation & the Athenaeum» он высказался определенное: появление Бунина в европейской литературе он сравнил с открытием новой планеты, а рассказ «Господин из Сан-Франциско» назвал «несомненным шедевром, одним из лучших рассказов нашего времени», поражающим «апокалиптическим видением» и обнажением пороков современной цивилизации¹⁹.

Очевидно, что Бунин поразил англичан: в «Господине из Сан-Франциско», этом виртуозно написанном рассказе о западном человеке, изображение корабля разрослось в гигантскую метафору современной цивилизации.

В 1920-е годы в Англии вышли еще два сборника прозы Бунина: в 1923 г. – «Деревня» в переводе американской переводчицы Изабелл Хэпгуд, а в 1924 г. – и «Сны Чанга и другие рассказы» (включая «Господина из Сан-Франциско») в переводе американского переводчика и книготорговца Бернарда Герни, родившегося в России²⁰. Хэпгуд и Герни были опытными переводчиками, но их переводы не могли сравниться с переводом, сделанным Д.Г. Лоуренсом.

Вскоре после того, как в 1930 г. в Париже по-русски в издательстве «Современные записки» вышел роман «Жизнь Арсеньева. Истоки дней», Бунин отправил его Вулфам вместе со шведским переводом, сделанным Рут Ротштейн (Ruth W. Rothstein, 1898–1962)²¹. Писатель, журналист и искусствовед Реймонд Мортимер (Raymond Mortimer, 1895–1980), которому издатели заказали внутреннюю рецензию, написал в ней: «Автор – христианин, он не симпатизирует Советской России, но и не навязывает своих мнений, не подвергает нападкам нынешнюю систему. <...> Книга не потрясает, но мне она необыкновенно понравилась. Тон ее неизменно и блестяще выдержан, <...> выбрасывать из нее практически ничего не хочется. Думаю, она непременно должна быть опубликована в Англии. Вряд ли ее ожидает сенсационный успех, но

распродаваться она будет долго и стабильно»²². И издатели в 1931 г. приняли решение о публикации «Жизни Арсеньева» по-английски.

Первые ее четыре книги под заглавием «Истоки дней» – «The Well of Days» – вышли в марте 1933 г. (еще до Нобелевской премии) в переводе Г.П. Струве и его друга Хэмиша Майлза (Hamish Miles, 1894–1937), известного переводчика с французского, который сотрудничал в одном из крупных лондонских издательств (Jonathan Cape Ltd.). Они работали по той же схеме, что и Котелянский – Д.Г. Лоуренс: роман перевел на английский Струве, а Майлз, который не знал русского языка, его «отредактировал»²³.

Критика отозвалась на роман Бунина в английском переводе благожелательно. Переводчик, романист и историк Ричард Дерек Шарк (R.D. Charque, 1899–1959) в рецензии, опубликованной в «Таймс Литерари Сапплемент» 23 марта 1933 г., назвал Бунина самым выдающимся (the most noted) писателем-эмигрантом, отметил автобиографизм романа и сравнил потрепанный халат Арсеньева-отца с халатом Обломова, таким образом выявив «литературное родство» Бунина с Гончаровым; он отметил в творчестве Бунина «метафизическое начало» и «лирическую меланхолию».

Известный английский критик и издатель – Эдвард Гарнет (E. Garnett, 1868–1937), автор книг о Толстом (1914) и Тургеневе (1917), муж знаменитой переводчицы русской классики – Констанс Гарнет, в статье «Русский гений», напечатанной в газете «The Manchester Guardian» 7 апреля 1933 г., писал о запоминающейся «пронзительной прекрасной атмосфере» романа Бунина, о способности писателя «в нескольких строках воссоздать рой образов», о том, что «описание магической свежести и полноты юношеских чувств сочетается в романе с особым поэтическим чувством пейзажа и глубокой страстной восприимчивостью».

Тираж романа был 1200 экземпляров, и поначалу, как выяснил А. Рогачевский в Архиве «Хогарт пресс» в университете Рединга, расходился вяло: за первые полгода раскупили 465 экземпляров, а после присуждения Бунину Нобелевской премии, за следующие полгода – 643 экземпляра, в 1935 г. – 66, в 1936 – 47, в 1937 – 21, в 1938 – 19²⁴. Конечно, при таких тиражах и продажах говорить о широком признании Бунина не приходилось.

Теперь, в исторической ретроспективе, очевидно, что импульс переводам, изданиям и англоязычному буниноведению дали

русские эмигранты – С. Котелянский и Г. Струве как переводчики, Д. Святополк-Мирский и Г. Струве как литературоведы. Это объяснялось во многом тем, что англичане открыли для себя русскую классическую литературу по-настоящему в конце XIX и, главным образом, в начале XX в.; английские литераторы – назовем Мориса Бэлинга – осваивали русскую классическую традицию, восторгались ею. Но русская литературная эмиграция, оказавшаяся вне метрополии, находилась вне поля их зрения. Конечно, Бунина, первого русского лауреата (1933) Нобелевской премии, знали, но никто из английских литературоведов о нем не писал. Культура эмиграции (аналогичная ситуация наблюдалась и во Франции) как бы не существовала. Лишь известный журналист русофил Стивен Грэм, в 1910-е годы создавший образ России как крестьянской, почвенной, утопической святой Руси, пытаясь разобраться, что же случилось с нею, почему рухнул его миф, 3 апреля 1925 г. открыл в газете «Таймс» рубрику «Русские писатели в изгнании» («*Russian writers in exile*») материалом о Бунине, где писал о нем как о «единственном русском писателе, который укрепил свой авторитет за семь лет революции», как о «писателе для писателей» – и об его твердом противостоянии всему советскому²⁵, а вскоре издал книгу «Расколотая Россия» («*Russia in division*», 1925), в которой опубликовал «разговоры» с Буниным²⁶ и другими писателями-эмигрантами.

Наиболее ранние статьи о Бунине в английской периодике написаны Д.П. Святополк-Мирским, который с 1921 г. – до возвращения в Россию в 1932 г. – жил в эмиграции в Лондоне, где вел курс русской литературы в Королевском колледже Лондонского университета, издал до сих пор пользующиеся авторитетом среди англоязычных русистов исследования: «Пушкин» («*Pushkin*», 1926), «Современная русская литература» («*Contemporary Russian literature*», 1926), «История русской литературы до смерти Достоевского» («*History of Russian literature from the earliest times to the death of Dostoevsky*», 1927), несколько антологий русской поэзии. Мирский был далек от бунинского круга парижской эмиграции, но, будучи литературоведом высокого уровня, оценивал Бунина весьма объективно. В 1922 г. в крупнейшем английском ежемесячном журнале «London Mercury», в статье «Литература большевистской России», он назвал Бунина «величайшим из писателей

нашего времени. <...> Каждое новое его сочинение превосходит предыдущее. И хотя он участвовал в политических дискуссиях и писал яростные статьи, его художественные произведения неизменно – над схваткой. Его гений вне времени, его отношение к жизни – отношение брамина или парнасца»²⁷. Со временем Мирский политизируется, левеет, но тем не менее и в книге «Современная русская литература, 1881–1925» (1926) в разделе о Бунине пишет о том, что, по мнению «компетентных ценителей, одним из которых является Горький, величайший, самый значительный (greatest) из современных русских писателей – Иван Алексеевич Бунин. Он с трудом поддается классификации. <...> Это явно более значительный художник, чем Горький или Андреев, или любой другой писатель, не принадлежащий к кругу символистов. Ясно, кто были его литературные предшественники – Чехов, Толстой, Тургенев и Гончаров», его связь с ними и принадлежность к русской классике отличает его от современников²⁸, и, «вероятно, он единственный русский писатель, чей язык вызвал бы одобрение “классиков” – Тургенева и Гончарова»²⁹. Его «роман», или «поэма», «Деревня» выдвинул его в первый ряд русских прозаиков³⁰.

Едва ли констатация Мирским в 1926 г. неприятия Бунином большевизма повлияла на его эстетические оценки (как считает А. Рогачевский). Мирский, по сути, признал то, что было на самом деле: в 1917–1920 гг., оказавшись в эмиграции, Бунин писал мало, с 1921 г. – больше, но его рассказы в книге «Роза Иерихона» (1924) редко достигали уровня ранних произведений³¹. Признавая Бунина «единственным значительным поэтом эпохи символизма, который не является символистом», Мирский считал его прозаиком более значительным, чем поэтом, и, предварив статью Г.П. Струве о Бунине, замечал, что многое в бунинской прозе «“поэтичнее”, чем в его поэзии», а в его книгах (1892–1902) наиболее «интересны именно лирические рассказы», остальные представляют собой либо «реалистические сентиментальные истории обычного типа, либо попытки превзойти Чехова в изображении разъедающего воздействия “мелких уколов” жизни»³².

Бунин, по словам Мирского, в лирических рассказах продолжил традицию Чехова («Степь»), Тургенева («Лес и степь») и Гончарова («Сон Обломова»), но усилил лирическое начало, устранил повествовательный каркас, избегая при этом (кроме

нескольких эпизодов) языка лирической прозы. Его лирическое начало определяла «поэзия явлений», а не ритмика или слова. Бунин, по словам Мирского, создавал рассказы – «стихотворения в прозе», и наиболее яркий из них – «Антоновские яблоки» (1900), где «запах особого сорта яблок ведет писателя от ассоциации к ассоциации и в результате возникает поэтическая картина вымирающей жизни его класса, среднего дворянства центральной России»³³. В «Деревне» (1910), «одной из самых жестоких, мрачных и горьких книг в русской литературе», где с «поразительной художественной силой» описаны бедность, мрак и бесчеловечность русской жизни, Бунин (тут Мирский приводит слова Горького) был «единственным писателем, осмелившимся сказать правду о мужике без его идеализации»³⁴. Мирский не считает «растянутую» «Деревню» эстетически совершенной, а вот повесть «Суходол» – это уже «один из величайших шедевров современной русской прозы, в котором очевидна печать гениальности автора»; это «совершенное произведение искусства», и такого нет ни в одной европейской литературе³⁵. В интерпретации Мирского Бунин – писатель-модернист, который в «Суходоле», как и в «Деревне», доводит до предела «неповествовательную тенденцию» русского романа и строит повествование вопреки временному ряду. Повесть обладает «насыщенностью и упругостью» («density and tightness») поэзии, хотя неизменно сохраняет «невозмутимость» и уровень языка реалистической прозы. И вновь Мирский обращает внимание на то, что, когда Бунин переносит действие своих рассказов из знакомых, домашних реалий Елецкого уезда на Цейлон, в Палестину или даже в Одессу, «стиль его теряет в силе и выразительности. <...> красота его поэзии вдруг превращается в мишуру. И чтобы избежать несостоятельности при описании иностранной (и даже городской) жизни, Бунину приходится безжалостно подавлять свои лирические наклонности», как, например, в «Господине из Сан-Франциско» (1915), который, как признает Мирский, «его читатели (особенно иностранные) считают несомненным шедевром», и это действительно «шедевр художественной экономности, бережности и простоты, “дорического” выражения»³⁶. Мирский относит его к тому же ряду, что «Смерть Ивана Ильича», его «смысл» вполне адекватен учению Толстого: тщета цивилизации и присутствие смерти как «единственной реальности», хотя следов

прямого влияния Толстого в рассказе нет. В приложении Мирский упоминает повесть «Митина любовь», опубликованную в 1925 г. в «Современных записках» (кн. 23–24); она, на его взгляд, превосходит всё написанное Бунином после 1918 г. и свидетельствует о том, что писатель еще далеко не сказал свое последнее слово³⁷.

В 1933 г. Бунин, первый из русских писателей, получил Нобелевскую премию за «талант, с которым он воссоздал в литературной прозе типично русский характер», – так мотивировала свой выбор Шведская академия. Сам Бунин считал, что премию дали за роман «Жизнь Арсеньева», который вышел в Париже в 1930 г. Неудивительно, что в начале 1930-х годов Бунин хорошо известен в среде английских русистов; возник вопрос о необходимости уделять ему внимание в университете курсе по литературе. Историк и журналист Бернард Пэрс, с 1919 г. возглавлявший Школу славянских и восточноевропейских исследований в Лондонском университете, осведомился у Д.П. Мирского как «мэтра британской русистики», каково место Бунина в русской литературе. И тот в письме от 10 января 1931 г. из Парижа объяснил ему, что Бунин занимает место сразу вслед за Горьким и является самым видным представителем «старой школы» в своем поколении, «классиком второй величины» («minor classic»)³⁸.

В январе 1933 г. в журнале «The Slavonic and East European Review», издававшемся вышеупомянутой школой, Г.П. Струве, который в 1932–1946 гг. вел там курс русской литературы, в статье «Искусство Ивана Бунина» представил Бунина английскому читателю как «поэтического реалиста», которого многие (тут он, как и Мирский, ссылается на «уважаемого в Англии Горького») считают «величайшим из ныне живущих русских романистов»³⁹. Никто, по его мнению, не передал так полно и пронзительно поэзию русской сельской жизни и природы; «язык Бунина – чудо богатства и простоты»⁴⁰, его мир, несмотря на свою мрачность, поразительно прекрасен. «Суходол», «Митину любовь» Струве считает вершинами творчества Бунина. Он ощущает особую суггестивность прозы Бунина, сосредоточенной на темах любви и смерти⁴¹, находит у него особое чувство восхищения красотой и тайной этого мира и усматривает нечто библейское в характерном для писателя сочетании чувственного восторга перед жизнью и острого ощущения присутствия в ней смерти⁴².

В статье Струве и речи нет о «классике второй величины». Он видит в Бунине прозаика, равного Чехову, и делает на этом акцент, очевидно ощущая явное предпочтение, оказываемое английской критикой Чехову. А в феврале 1934 г. в уже упомянутом номере газеты «*Observer*» Г. Струве, чуткий к настроениям британской аудитории, написал: «Когда в прошлом ноябре Нобелевскую премию присудили Ивану Бунину, в английской прессе и общественном мнении ощущались подспудное удивление и неудовлетворенность: “Бунин? А он заслуживает?” Возникло впечатление, что в Англии скорее бы одобрили кандидатуру Горького. Возможно, это объяснялось тем, что Бунин – эмигрант. Но известно ли, что задолго до революции Горький сам считал Бунина наименее выдающимся из ныне живущих мастеров русской прозы?»⁴³

Ситуация, сложившаяся в Англии с Буниным, объяснялась и тем, что для англичан «эталоном» русского писателя стал Чехов. Отсчет шел от него. В 1916–1922 гг. выходит 13-томное Собрание сочинений Чехова в переводах Констанс Гарнет⁴⁴. Лейтмотив практических всех рецензий на переводы Бунина – сравнение его с Чеховым. Джон Миддлтон Марри в уже упомянутой рецензии 1922 г. писал: «Объекты изображения и подход к ним заимствованы Буниным у Чехова, но мы знаем, что Чехов был совершенным художником и изобразил бы эти объекты по-иному. Если бы Чехова не было на свете, мы бы признали рассказы Бунина хорошими. Но, зная Чехова, можно лишь сказать, что это не очень сильные подражания или произведения “чеховской школы”». Марри находит в Бунине то, что интересно ему иозвучно английскому модернизму 1920-х, а именно: «безжалостное обличение цивилизации»⁴⁵.

И Кэтрин Мэнсфилд, поклонница Чехова, в уже упоминавшемся письме С. Котелянскому от 13 января 1922 г. после комплиментарной части написала о «Господине из Сан-Франциско»: «И все-таки, мне кажется, в рассказе есть какая-то ограниченность. А в Бунине – что-то тяжелое, негибкое, отделяющее его от других, что ему самому очень нравится. Но едва ли этим стоит гордиться. Жаль, что эти качества присущи ему. Из-за них он не станет подлинно великим писателем»⁴⁶.

В 1935 г. в «Хогарт пресс» вышел сборник рассказов Бунина «Грамматика любви» («*Grammar of Love*») в переводе Джона Курноса (John Cournos, 1881–1966), американца, выходца из России,

долго жившего в Англии⁴⁷. В сборнике, кроме «Грамматики любви», были представлены рассказы «Солнечный удар», «Ида», «Метеор», «В ночном море», «Неизвестный друг», «Прекраснейшая солнца», «Товарищ дозорный», «История с чемоданом», «Игнат», «При дороге». В рецензии на этот сборник в «Таймс Литерари Сапплемент» 7 марта 1935 г. Р.Д. Шарк отметил недостатки перевода и сопоставил Бунина с Чеховым – не в пользу Бунина, чей лиризм критик назвал «натужным» (forced), а манеру в целом – «безыскусным романтизмом» (artless romanticism) (в эти времена романтизм в Англии не в моде). Лишь два последних рассказа в сборнике он оценил высоко за «особый сплав мрачного натурализма с поэтическим и субъективным психологизмом». Анонимный рецензент в «Таймс» 8 марта 1935 г. упрекнул Бунина в подражательстве Чехову, «удачное подражательство» которому невозможно.

Следующее издание сочинений Бунина вышло уже после войны. Бывший сотрудник «Хогарт пресс» (а с 1938 г. – партнер Вульфов) Джон Леманн после войны основал свое издательство и в 1946 г. переиздал «Жизнь Арсеньева», а в 1949 г. опубликовал бунинские «Темные аллеи» (в переводе Ричарда Хэйра) и «Воспоминания и портреты» (в переводе Веры Трэйл (Гучковой) и Робина Ченселлора)⁴⁸.

В 1962 г. профессор из университета Глазго Питер Генри издал книгу переводов Бунина «Рассказы» («Грамматика любви», «Господин из Сан-Франциско», «Далекое», «Темные аллеи») с предисловием, примечаниями – явно для университетов – и переиздал их в 1970 и в 1993 гг.⁴⁹

В 1984, 1987 гг. в лондонском издательстве «Angel Books», в 1992 г. в бумажном переплете в массовом издательстве «Пингвин» вышел сборник «Господин из Сан-Франциско и другие рассказы» в новых переводах – Дэвида Ричардса и Софии Лунд⁵⁰. В 2008 г. появился новый перевод «Темных аллей», сделанный Хью Эплином⁵¹, известным прежде всего переводами М. Булгакова, в частности романа «Мастер и Маргарита» (2008).

Систематическое литературоведческое изучение творчества Бунина в Великобритании началось с 1950-х. Но публикаций было слишком немного – чуть более дюжины статей⁵²; один из авторов, Джеймс Вудворт (из Уэльса), в 1980 г. опубликовал в США книгу

о Бунине⁵³. В университетском литературоведении Бунина в основном рассматривали как «переходную фигуру» – от реализма к модернизму либо как явного модерниста.

Наиболее интересными представляются суждения Д. Ричардса, переводчика рассказов Бунина, преподававшего в университете Эксетера, который вслед за Мирским и Струве находит у Бунина прозаику лирическое дарование, а в его произведениях поэтическую атмосферу, особую «магическую ауру»; отход от лирического начала приводит писателя к «менее удачным результатам»⁵⁴. Внимание Д. Ричардса привлекли мотивы творчества Бунина, ставшие по понятным причинам особенно актуальными в его эмигрантский период. В статье «“Память и прошлое” – тема произведений Ивана Бунина» исследователь находит истоки повышенного интереса писателя к прошлому в его мироощущении. Человек для Бунина «неразрывно связан с прошлым», именно память защищает его от неумолимого воздействия времени и смерти, и призвание художника – осуществлять «связь времен», без нее невозможно понять смысл жизни⁵⁵. В другой статье – «Бунинская концепция смысла жизни» – Бунин представлен как преемник Толстого, настойчиво ищущий смысл бытия – «в толстовстве, в ортодоксальном христианстве, в восточных религиях и философии, в любви и искусстве»⁵⁶. Д. Ричардс назвал Бунина «оптимистическим фаталистом», ибо тот ощущает предопределенность человеческой судьбы, ее зависимость от неких сверхъестественных сил, но воспринимает жизнь как радостное переживание и сохраняет уверенность в сверхличном значении человеческого бытия⁵⁷. Заметим, что «жизнь» в эмпирической по своей природе британской философии – одна из важнейших категорий.

На основании анализа произведений главным образом эмигрантского периода Ричардс пришел к выводу, что для Бунина человек – существо дуалистическое, совмещающее в себе два начала: земное, преходящее и духовное, «божественное». Частое изображение писателем смерти не свидетельствует об его пессимистическом умонастроении, как полагало большинство критиков. Напротив, смерть у Бунина сопровождается катарсисом (рассказ «Преображение»). И одно из предназначений человеческой жизни писатель видел в стремлении преодолеть смерть – в поэзии, в искусстве, в памяти. Искусству, творчеству в бунинской иерархии жизненных

ценностей отведено высшее и безусловное место. В творчестве писатель нашел оправдание своей жизни, ее «личный» и «сверхличный» смысл. Бунин, по мнению Ричардса, стоит особняком в русской литературе XIX–XX вв., «вне ее основной линии», его отношение к жизни уникально: «...за сложной художественной формой бунинских размышлений о сверхличном смысле жизни скрывается радостная <...> уверенность в ценности и осмыслинности человеческого бытия», почти примитивная по контрасту со сложными психологическими теориями Достоевского или трактатами Толстого⁵⁸.

В сущности, британских литературоведов Бунин интересует не как автор «Деревни» и «Суходола» или даже «Жизни Арсеньева», который воссоздал в своем творчестве «типично русский характер», не как «социальный» писатель. Как правило, они развивают идеи Д. Мирского и Г. Струве о Бунине как о «поэтическом реалисте», «метафизическом авторе», помнящем о смерти и понимающем «тщету цивилизации», что вписывается в эстетико-философское русло английской традиционной культуры. Сознавая его особое место в русской литературе, они не сознают того, что он принадлежал, подобно Набокову, к особой, отличающейся от русской классики XIX в. эстетической традиции русской литературы.

* * *

То, что Бунина неизменно сравнивали с Чеховым, отдавая предпочтение последнему, не вызывает удивления. Как известно, Чехова высоко ценили британские писатели Арнольд Беннет, Бернард Шоу, Кэтрин Мэнсфилд, Уильям Джексонди. Д. Мирский считал, что кульп Чехова в Великобритании создали британские интеллектуалы 1910–1920-х годов, и объяснял этот «культ» откликом на состояние умов в послевоенной Англии, порожденным отказом от «героических ценностей». Британцев привлекали этика Чехова как некий «средний путь», его «средний стиль», его повествовательный метод, свободный от всего острого, яркого, броского, не позволяющий ничему «случаться», а только спокойно и неброско «становиться»; свойственное ему изображение непроницаемости переборок между людьми и соответственно невозможности сочувствия, отсюда любимый прием его пьес – «диалог», когда персонажи обмениваются не связанными между собой репликами⁵⁹.

Чехов как личность близок «западному человеку», «европейцу»: ему свойственны ирония, ощущение «холода бытия», сдержанность, «хороший вкус»; по словам видного английского театрального критика Кеннета Тайнена, англичане наполнили «Вишневый сад» «тоской по прошлому, свойственной английской культуре, но чуждой Чехову», и наградили его «почетным званием англичанина»⁶⁰. Англичане оценили в Чехове нравственную взыскательность, неприятие несовершенств жизни, т.е. вроде бы то, что свойственно, скажем, Достоевскому, но у Чехова всё это представлено без присущего первому «русского максимализма», без надрыва, дидактики, тонко, с мягким юмором, «тихим голосом» – в «английской манере». Важно и то, что Чехова проще переводить, язык его прост, и собрания его сочинений выходили на английском не раз.

Что касается Бунина, то его проза поэтически насыщена, это проза поэта. Недаром в современном британском литературоведении Бунина называют «одним из величайших стилистов в русской литературе»⁶¹. Его очень трудно, практически невозможно, как и Пушкина, адекватно перевести на английский.

И все-таки Бунин в переводе Котелянского и Лоуренса – уникальный перевод высокого класса и до сих пор считается одним из лучших переводов прозы XX в.⁶² По сути, Д.Г. Лоуренс сразу ввел Бунина в иностранный пантеон английской литературы.

А недавно «эхо Бунина» вдруг отозвалось в современной английской литературе – в романе, пожалуй, наиболее крупного и талантливого современного английского романиста Йена Макьюэна «На Чизелском взморье» («On Chesil beach», 2007). Это драматичная, филигранно написанная книга о любви, ее уникальности, о дисбалансе духовного и физического в человеке, порожденном пуританским воспитанием. Роман вписывается в традицию, идущую от Д.Г. Лоуренса. И вместе с тем он уникален в английской литературе, ибо жизнь героев и тональность романа определяет по-бунински звучащий мотив катулловского «*amata nobis quantum amabitur nulla*» («возлюбленная нами, как ни одна другая возлюблена не будет»), прозвучавший и в «Жизни Арсеньева», и в сборнике «Темные аллеи», прежде всего в рассказе «Руся» (1940).

Так, каковы бы ни были сложности и ограничения межкультурной коммуникации, но Бунин в английской литературе был услышан.

-
- ¹ В 1901–1902 гг. Бунина как поэта и прозаика упоминает В. Брюсов в статьях в лондонском журнале «Атенеум» (*Athenaeum*. London, 1901. 20 July. N 3847. P. 86; *Athenaeum*. L., 1903. 4 July. N 3949. P. 23).
- ² *Modern Russian poetry / Texts and translations sel. a. transl. with an introd. by Selver P.* London a. N.Y.: Kegan Paul, Trench, Trubner, 1917. P. 28–29; *Modern Russian poetry: an anthology chosen and transl. by Deutsch B. a. Yarmolinsky A.* N.Y.: Harcourt, Brace & Co; L.: John Lane, 1921.
- ³ См.: *Davison C.* Translation as collaboration: Virginia Woolf, Katherine Mansfield and S.S. Koteliansky. Edinburgh: Edinburgh univ. press, 2014. 194 p.
- ⁴ См.: *Рогачевский А.* И.А. Бунин и «Хогарт пресс» // И.А. Бунин. Новые материалы / Сост. Коростелёва О., Дэвиса Р. М.: Русский путь, 2004. Вып. 1. С. 334.
- ⁵ *Bunin I. The Gentleman from San Francisco / Transl. by D.H. Lawrence, S.S. Koteliansky, and L. Woolf.* L.: Hogarth Press, 1922.
- ⁶ *Woolmer J. Howard.* A checklist of the Hogarth Press, 1917–1938. L., 1976. P. 36.
- ⁷ *Fetzer L.* The Bunin – S.S. Koteliansky – D.H. Lawrence – Leonard Woolf Version of «The Gentleman from San Francisco» // The Virginia Woolf Quarterly. 1973. Summer. N 4. P. 31–46.
- ⁸ *Struve G.* Ivan Bunin // The Observer. 1934. 25 February.
- ⁹ *Soboleva O., Wrenn A.* From orientalism to cultural capital. The Myth of Russia in British literature of the 1920s. Oxford; Bern; B. a. o.: Peter Lang, 2017. P. 202.
- ¹⁰ *Gerhardie W.* Memoirs of a Polyglot. L.: Robin Clark, 1990. P. 256.
- ¹¹ The Letters of D.H. Lawrence / Ed. Roberts W., Boulton J.T., Mansfield E. Cambridge: Univ. press, 2002. Vol. IV. P. 23.
- ¹² *Woolf L.* Beginning Again: An Autobiography of years from 1811 to 1918. N.Y.: Harcourt, Brace & World, 1964. Vol. III. P. 248.
- ¹³ The Letters of D.H. Lawrence. P. 275.
- ¹⁴ The Letters and Journals of Katherine Mansfield: A Selection / Ed. by Stead C.K. L.: Allen Lane, 1977. P. 172–173.
- ¹⁵ Ivan Boumine. Le Monsieur de San Francisco / Traduit de Russe par Maurice. P.: Édition Bossard, 1921 // The Times Literary Supplement. 1922. 20 April (Thursday). P. 20.
- ¹⁶ Ivan Bunin // The Times. 1922. 17 May. P. 16.
- ¹⁷ Казнина О. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997. С. 369–370; *Рогачевский А.* И.А. Бунин и «Хогарт пресс». С. 335. Имена авторов анонимных рецензий в литературном приложении к «Таймс» за 1902–1990 гг.

- рассекречены в электронной базе данных: The Times Literary Supplement Centenary Archive. URL: http://www.the-tls.co.uk/centenary_archive/main.asp
- 18 Murry J.M. The Stories of Ivan Bunin // Times Literary Supplement. L., 1922. 20 April. P. 256.
- 19 Murry J.M. Ivan Bunin // The Nation & the Athenaeum. 1922. 24 June. P. 444.
- 20 Bunin I. The Village / Tr. I. Hapgood. L.: Martin Secker; N.Y.: Knopf, 1923. 291 p.; Bunin I. The Dreams of Chang, and other stories / Tr. by B.G. Guerne. L.: Martin Secker; N.Y.: Knopf, 1923.
- 21 См.: Рогачевский А. И.А. Бунин и «Хогарт пресс». С. 343.
- 22 The Archives of Hogarth Press at the University of Reading, MS 2750, file no. 40. Цит. по: Рогачевский А. И.А. Бунин и «Хогарт пресс». С. 344.
- 23 См.: Струве Г. Из переписки с И.А. Буниним: К 100-летию со дня его рождения (10 / 22-Х-1870) // Annali dell’Instituto Universitario Orientali (Napoli), Sezione Slava. 1968. N XI. S. 1-2.
- 24 The Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, MS 2750, file no. 40. См.: Рогачевский А. И.А. Бунин и «Хогарт пресс». С. 349.
- 25 Graham S. Russian writers in exile. I. Ivan Bunin // The Times. L., 1925. 3 April. P. 17.
- 26 Graham S. Russia in division. L.: Macmillan and Co., 1925. P. 185–190.
- 27 Mirsky D. A Russian Letter: The Literature of Bolshevik Russia // The London Mercury. 1922. N 5. P. 276–285.
- 28 Prince D.S. Mirsky. Contemporary Russian Literature, 1881–1925. L.: Routledge, 1926. P. 124.
- 29 Ibid. P. 129.
- 30 Ibid. P. 125.
- 31 Ibid.
- 32 Ibid. P. 126.
- 33 Ibid.
- 34 Ibid. P. 127.
- 35 Ibid.
- 36 Ibid. P. 129.
- 37 Ibid. P. 363.
- 38 См.: Казнина О. Русские в Англии. С. 381.
- 39 Struve G.P. The Art of Ivan Bunin // The Slavonic and East European Review. L., 1933. January, IX / 32. P. 423, 425.
- 40 Ibid. P. 424.
- 41 Ibid. P. 425.
- 42 Ibid. P. 425, 436.
- 43 Struve G. Ivan Bunin // The Observer. 1934. 25 February.
- 44 Chekhov A. The Tales of Chekhov / Trans. by Garnett C. L.: Chatto & Windus, 1916–1922. 13 vols.
- 45 The Nation & the Athenaeum. L., 1922. 24 June (Thursday). P. 444.
- 46 The Letters and Journals of Katherine Mansfield. P. 173.

- ⁴⁷ Об изданиях Бунина в «Хогарт пресс» см.: *Willis John H.* Leonard and Virginia Woolf as Publishers: The Hogarth Press, 1917–1941. Charlottesville and L., 1992. P. 92–96.
- ⁴⁸ *Bunin I.* The Well of days / Transl. by G. Struve and Hamish Miles. New ed. L.: John Lehmann, 1946; *Bunin I.* Dark Avenues and Other Stories / Trans. by R. Hare. L: John Lehmann, 1949; Memories and Portraits / Trans. by V. Trail a. R. Chancellor. L.: John Lehmann, 1951. 223 p.
- ⁴⁹ *Bunin I.* Selected stories / With an introd., notes and vocabulary by Henry P.; Text established by Zouroff L. L.: Bradda Books, [1962]. 191 p.; 2-nd rev. ed. Letchworth [Hertfordshire]: Bradda Books, [1970]. 196 p.; *Bunin I.* Selected stories / Ed. by Henry P. Bristol (UK): Bristol Class press, 1993. 164 p.
- ⁵⁰ *Bunin I.* Long ago: Fourteen stories / Transl. by Richards D. a. Lund S.; Introd. by Richards D. L.: Angel Books, 1984. Repr. as «The Gentleman from San-Francisco and other stories». 1987. Repr. 1992. 224 p. (Penguin Classics) («The Gentleman from San-Francisco», «Primer of Love», «Chang Dreams», «Temir-Aksak-Khan», «Long Ago», «An Unknown Friend», «At Sea, at night», «Graffiti», «Mitya's love», «Sunstroke», «Night», «The Caucasus», «Late Hour», «Visiting Cards», «Zoika and Valeria», «The Riverside Tavern», «A Cold Autumn»).
- ⁵¹ *Bunin I.* Dark Avenues / Transl. by Aplin H. L.: Oneworld Modern Classics, 2008. 350 p.
- ⁵² *Colin A.G.* Ivan Bunin in retrospect // The Slavonic and East European Review. L., 1955. Vol. 34. N 82. P. 156–177; *Richards D.J.* Comprehending the beauty of the world: Bunin's Philosophy of Travel // The Slavonic and East European Review. L., 1974. Vol. 52. N 129. October. P. 514–532; *Woodward J.B.* The Thematic unity of Bunin's peasant fiction // Forum for Modern Language Studies. St. Andrewes (Scot.), 1974. Vol. 9. N 1. P. 45–56; *Woodward J.B.* Eros and Nirvana in the art of Bunin // Modern Language Review. Birmingham, 1970. Vol. 65. N 3. July. P. 576–586; *Woodward J.B.* The evolution of Bunin's narrative technique // Scandoslavica. Copenhagen, 1970. T. 16. P. 5–23; *Woodward J.B.* Structure and subjectivity in the early 'philosophical' tales of Bunin // Canadian Slavic Studies. 1971. Vol. 5. N 4. P. 508–523; *Pavlov A.* Kazakov and Bunin // Journal of Russian Studies. Nottingham, 1972. Vol. 24. P. 3–16; *Isenberg Ch.* Variations on a theme: Bunin's «Ida» // The Slavonic and East European Review. L., 1987. Vol. 31. N 4. P. 490–502. The short story in Russia, 1900–1917 / Ed. by Luker N. Nottingham, 1991. *Hutchings S.C.* Myth, plot transformation and iteration in Ivan Bunin's fiction // Forum for Modern Language Studies. Edinburgh, 1994. Vol. 30. N 1. P. 44–63. *Hutchings S.C.* Writing, the road to the Russian émigré identity: Temporal framing, autobiogr. and myth in Bunin's the Life of Arseney // Essays in poetics. Keele, 1997. Vol. 22. P. 89–138.
- ⁵³ *Woodworth J.B.* Ivan Bunin: A Study of his fiction. Chapel Hill: The Univ. of North Carolina press, 1980. 275 p.
- ⁵⁴ Ibid. P. 164.

- ⁵⁵ Richards D.I. Memory and time past: A Theme in the works of Ivan Bunin // Forum for Modern Language Studies. Edinburgh, 1971. Vol. 7. N 2. 1971. P. 158–159. (P. 158–169).
- ⁵⁶ Bunin's conception of the meaning of life // The Slavonic and East European Review. L., 1972. Vol. 50. N 119. P. 153. (P. 153–172).
- ⁵⁷ Ibid. P. 161.
- ⁵⁸ Ibid. P. 170.
- ⁵⁹ Mirsky D. Chekhov and the English // Monthly Criterion. L., 1927. October. Vol. VI. N 4. P. 292–304.
- ⁶⁰ Тайнер К. Московская метла // Современный английский театр. М., 1963. С. 193.
- ⁶¹ Soboleva O., Wrenn A. From orientalism to cultural capital. P. 202.
- ⁶² Чандлер Р. «Очуждать или осваивать»: по следам переводческого семинара // Иностранный литература. М., 2008. № 6. С. 246–251.